

УДК 821.221.18

МИФ И ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ РОМАНЕ

Газдарова А.Х.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
Владикавказ, e-mail: azagazdarova@mail.ru

В статье освещаются исторические события и мифо-фольклорные традиции в романе Н. Джусойты «Кровь предков». Рассматривается их сложное диалектическое взаимодействие, определяющее специфику поэтики исторического романа.

Ключевые слова: историческая тема в осетинской литературе, роман, борьба народа, основной конфликт, карательный отряд, защитники, героическая песня

MYTH AND HISTORY IN CONTEMPORARY NOVEL OSSETIAN

Газдарова А.Х.

The North-Osetian State University after K.L. Hetagurov, Vladikavkaz, e-mail: azagazdarova@mail.ru

The article covers historic events and myth-folklore traditions in the novel «Blood of Ancestors» by N. Dzhusoiti, considering their complex dialectic interaction, determining the specificity of the poetics of the historical novel.

Keywords: historical theme in the Ossetian literature, novel, struggle of the people, conflict, punitive detachment, defenders, heroic, song

Историческая тема в осетинской литературе занимает особое место и имеет сложившиеся традиции. История общества для писателей Осетии явилась неиссякаемым источником сюжетов и образов, средством познания народной жизни, героики и гуманизма. Нужно отметить, что прошлое осетинского народа нашло свое отражение в большей мере, не в анналах, а в различных формах фольклора, который, по признанию ученых, отличается богатством исторического содержания и по праву считается «песенной историей» народа (термин Пидалы), и эта песенная история «иной раз оказывалась достовернее и могущественнее письменности» [2, 20]. Эпические сказания и песни осетинского народа – это его устная история. Поэтому использование исторических источников и фольклорного материала часто имеет одну и ту же цель и в обоих случаях выполняет идентичные идейно-художественные функции.

Передовые писатели Осетии понимали значение истории, она являлась для них не только неисчерпаемым материалом для художественных произведений, но и «учебником жизни». Они понимали и доказывали, что созданный в наше время полноценный исторический роман не отвлекает от современности, напротив, он помогает глубже и вернее понять наше настоящее, его проблемы и перспективы развития. Невозможно не признать, что «обращение к седой древности вызвано потребностью рассказать о судьбах народа на крутых изломах истории, показать, как лучшие традиции

предшествующих эпох способствует решению актуальных проблем современности» [2, 17]. Кроме того необходимо заметить, что историческому роману или драме не гарантирован успех тематикой или материалом, ибо, по признанию мастера этого жанра, «автору нужно быть искусным зодчим как в общем плане, так и в мелочах, уметь по своему видеть мир, соблюдать чистоту каждой речи, иметь свой, собственный слог, чувствовать соответствие данной формы избранному содержанию» [3, 36]. Именно этими требованиями руководствовался Н. Джусойты при создании, по сути дела, первого осетинского исторического романа.

Писатель обратился к тем событиям прошлого, которые в советской исторической науке искаженно освещались с антинаучных, конъюнктурных идейно-политических позиций. Речь идет о событиях 1830 года – периода окончательного внедрения в Осетию власти и законов царского самодержавия. О значимости этой военно-политической акции говорит тот факт, что монархист Чудинов заявлял: «... за пределами событий 1830 года у осетин нет больше истории» [4, 30]. Историк ошибался, но, к сожалению, у него нашлись последователи, которые историю осетин подвергали не только сомнению, но и насилию. Так, в начале 50-х годов были запрещены исторические песни и предания о героях этой войны, такая же участь постигла трагедию Е. Бритаева «Хазби», в которой критики и местные правители усмотрели апологию национализма и русофобию.

Именно в такой напряженной политической атмосфере создавался исторический роман Н. Джусойты «Кровь предков». Нужно было иметь гражданское мужество и высокое творческое вдохновение, чтобы преодолеть препоны исторического нигилизма и вопреки требованиям официальной идеологии воспеть величие народа, героизм защитников Родины и свободы.

Роман «Кровь предков» (1965 г.) вызвал живой интерес у читателей и литературной общественности. Отзывами и рецензиями откликнулись критики и исследователи литературы, проводились обсуждения и читательские конференции. Сразу же после своего выхода в свет роман был включен в школьные и вузовские программы по истории осетинской литературы. Эти факты говорят о значимости произведения. Произведение содержит большой исторический материал, который отражает события, связанные с карательной экспедицией генерала Ренненкампа в 1830 году в ущелья Южной Осетии, а также фольклорный пласт о героической борьбе осетинского народа за свободу и независимость своей страны.

Взаимоотношения Осетии и России имеют историческое значение, и они, естественно, нашли свое отражение не только в документах, но, в большей мере в осетинском фольклоре: в исторических песнях и преданиях. Поэтому в числе наиболее значимых проблем, требующих освещения, стоит вопрос соотношения исторического документа и художественного вымысла. Именно их сложное диалектическое взаимодействие определяет специфику поэтики исторического романа и дает возможность определить уровень историзма и художественную значимость произведения.

Взаимоотношения южных осетин, грузин и российского правительства глубоко и основательно рассматривал наместник Кавказа граф И.Ф. Паскевич.

Он принял за окончательное покорение осетинских крестьян, когда занял место главнокомандующего на Кавказе. Осетинам нанесли тогда сокрушительный удар с двух сторон. Одна экспедиция под начальством генерала Ренненкампа была назначена против южных осетин Чесельтского ущелья, вторая – под руководством генерала Абхазова – против северных осетин Кобанского ущелья. События в Кобане нашли свое отражение в исторических песнях и преданиях, им посвящена трагедия Е. Бритаева «Хазби».

Борьба чесельтских крестьян также стала предметом хвалебных песен, материалом

для художественной литературы (драма «Башня Кола» В. Дзасохова, 1940 г., трагедия «Бега» М. Шавлохова, 1945 г.). Драматические события требовали воплощения в соответствующем жанре и наши писатели успешно справились с этой творческой задачей.

Нафи Джусойты пошел иным путем: для художественного воплощения мужества и трагизма осетинского народа он выбрал жанр романа. Когда произведения М. Шавлохова и В. Дзасохова были преданы забвению, когда трагедия «Хазби» Е. Бритаева была подвергнута остракизму, писателю-творцу нужно было иметь мужество и стойкость, чтобы писать на запретные темы. Н. Джусойты смог открыть запертые двери истории, показать людям нашего времени трагическую судьбу народа, поднять на современный уровень национальную идею.

Ради этой высокой цели и был написан, на наш взгляд, роман «Кровь предков».

Повествование произведения строится на конкретной исторической основе, на конкретном историческом материале. Нафи широко и ярко показывает, в каких условиях жили в это время люди в Южной Осетии. Как говорят, на историческое произведение надо смотреть историческим взглядом, так как оно тесно связано с теми событиями, которые происходили в определенной действительности.

Писатель с глубоким знанием жизни и быта народа рисует широкую панораму горской действительности, труд и досуг простых тружеников, их борьбу за честь и достоинство. А.А. Хадарцева пишет: «Автор романа, пересматривая исторические факты с позиций современности, придает им жизненную силу, художественную убедительность; их идейно-эстетическое осмысление дает более цельную и живую картину исторических событий. За скупой строкой истории: «Осетинское крестьянство ответило сопротивлением» встала широкая картина жизни одного из ущелий Южной Осетии, где гнет местных и грузинских феодалов, дойдя до предела, вызвал резкое сопротивление крестьян, на которое, в свою очередь, власти ответили новыми репрессиями» [9, 130].

Композиционное построение романа соотносится с его идейным назначением. Есть в нем пролог и эпилог, основной сюжет разворачивается в цепи отдельных эпизодов. Критики заметили, что роман отмечен чертами новаторства, но в нем ярко и четко прослеживаются и традиции. Так, Хад-

зыбатыр Ардасенов видит в романе следы творческого опыта Сека Гадиева и Чермена Беджызаты [4, 85]. И трудно с этим не согласиться. В произведениях трех писателей конфликты, явления жизни, характеры героев взяты из одной эпохи, порождены одной жизнью и в реалистическом искусстве, естественно, имеют некоторые схожие черты и особенности.

Например, в цикле новелл Ч. Беджызаты есть символический образ фыдэлты ма́сгуытæ – башни предков. Они заговорили устами сказителя Баймата. В романе Нафи Джусойты значение символического образа обрели горы Осетии (Иры хæхтæ) – основа жизни наших предков, сотворившая их природная сила и стихия.

Генрих Гейне говорил: «Кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, тот должен читать их народные песни». Так можно сказать и об осетинской историко-героической песне. Методами этого жанра очень умело воспользовался Нафи в прологе своего романа, который имеет название «Немая песня» и является своеобразной увертюрой ко всему произведению. Автор заставил заговорить предков, горы, развязал волшебный клубок немой песни. О чем же они говорят? Что завещают будущим поколениям? Они говорят о своих горестях, заветных мечтах, о великой любви к родной земле, чести и достоинстве. Они выражают мудрую мысль: «Возлюби наши горы, живи трудом и правдой».

Глубокий смысл и высокое этическое понятие вложено в их завете: «Мужчина является мужчиной благодаря чести! Если потеряна честь, то жизнь его хуже позорной смерти. А у нас незапятнанная честь, доверие к человеку, богатырское мужество и доблесть были в крови, позору предпочитали смерть» [7, 53]. Такое сознание этики у осетинского народа исходит из истории, эта традиция утверждается Нартским эпосом, героической песней. «Самая общая, «сквозная» идея, пронизывающая подавляющее большинство героических песен, – идея справедливости, – пишет В. Абаев, – борьба за свободу личности, за ее национальное, общественное и индивидуальное достоинство; против ущемления ее прав; против насилия над нею – вот господствующий дух песни, источник ее героического пафоса, согревающее ее пламя» [8, 399]. Эти свойства и привлекали писателя. Этическую идею, воплощенную в песне, развивает и утверждает «Кровь предков». Произведение пробуждает национальную гордость,

патриотические чувства и этим поднимает дух народа, его национальную идею.

Основной конфликт романа – исторический. Нафи Джусойты не меняет содержание реальных событий, но смотрит на них глазами художника. И верно замечает А. Хадарцева: «Придерживаясь исторических фактов, автор, как ученый, переосмысливает их с позиций современности, как художник, домысливая образы, характеры, детали, ситуации. Это имеет в данном случае особенное значение и потому, что если о периоде наступления войск генерала Ренненкампа история сохранила достаточное количество фактов, то сведения о предыстории этих событий, о времени конца XVIII – начала XIX века, автор мог почерпнуть преимущественно из легенд, преданий, песен. И вот здесь-то творческая фантазия, умение отобрать нужный материал, не идущий вразрез ни исторической правде, ни художественной, пришли на помощь автору. Чутье художника помогает ему «зайти за документ, пройти сквозь него», увидеть правду там, где официальный документ ее искажает» [9, 46]. Прежде всего, за документом, за военными рапортами нужно было увидеть живых людей, понять их характеры, разгадать тайны их судеб.

Автор правдиво, достоверно показывает причины общественно-политических противостояний. В Южной Осетии крестьяне были разочарованы, были обмануты в своих надеждах и ожиданиях, в результате вхождения в сферу российской государственности оказались еще и под гнетом колониального режима царизма: колонизация земель, насильственная русификация, обременение крестьян разными государственными повинностями и поборами, произвол и злоупотребление административных органов» с одной стороны, а с другой – русские военачальники стали на сторону грузинских князей и охраняли их интересы.

В этих социальных условиях ухудшилось и осложнилось положение осетинского народа. Песня предков в прологе звучит как гимн свободе и мужеству. Умиравшие в бою герои оставляют свое завещание: «Мы завещаем вам наш окровавленный меч и нашу честь. Даже под силой никогда не теряйте свою свободу, славу, честь. Когда не станет возможности жить свободными, примите достойно славную смерть... Слушайте, потомки! Помните эту безмолвную песню».

Песня звучит в веках, но когда ее не слышат люди, им приходится вторично

пережить трагедии прошлого. Нафи учитывает уроки истории, – события 1830 года, трагедия южных осетин 1920 года, он умеет делать выводы, он, как пророк, будто предвидел кровавые события конца XX века. Его роман стал явлением, зеркалом социальных потрясений и национальных трагедий. Своеобразное композиционное обрамление составляют пролог и эпилог романа. Эпилог представляет собой катастрофу трагедии.

В романе «Кровь предков» показана не только предыстория войны, но и широкая панорама военных действий. Она составляет основную часть произведения, это – яркое, живописное полотно, на котором рельефно проявились образы героев.

19 мая 1930 года карательный отряд Ренненкампа выступил из Цхинвала и в тот же день прибыл в село Дзау.

21 июня войска Ренненкампа выступили из Дзауа. Перейдя хребет Раро, они дальше следовали двумя колоннами. Войска разрушали села, громили разрозненные отряды горцев. Жители села Цамад встретили их стрельбой, но были вынуждены оставить дома и податься в лес. Еще более энергичное сопротивление оказали крестьяне села Бикойтикау. Они открыли из домов и башен сильный ружейный огонь, но, в конце концов, тоже были вынуждены покинуть свою деревню. «Преодолевая упорное сопротивление крестьян, Ренненкампа на своем пути сжег 7 деревень» [10, 180].

Непокорными оставались две фамилии: Кабисовы и Кочиевы. Первые ушли в лес, а вторые, отправив свои семьи в Кударское ущелье, приготовились к защите башни, где они укрылись во главе с Бега Кочиевым. Их было 30 человек.

Войска в количестве более 1000 человек осадили башню и начали бить по ней из орудий; но ядра отскакивали от крепкой каменной стены и поражали самих солдат.

Ренненкампа решил взять башню приступом и бросил в атаку две роты гранатеров, но и они не добились успеха. Тогда было решено сделать подкоп под башню и взорвать ее; но фундамент уходил глубоко в землю, и поэтому и эта попытка провалилась. Тогда Ренненкампа решил поджечь башню; ее обложили сухими дровами и подожгли.

Осажденные продолжали обороняться с необычайным мужеством даже когда пламя, объявшее башню, стало достигать верхней надстройки, охватив все деревянные части, и проникло вовнутрь. Только когда рухнул потолок, 10 осажденных во главе с Бега Кочиевым на веревках спустились

с башни и с кинжалами в руках бросились на солдат, пытаясь пробить себе дорогу. Девять из них солдатами были подняты на штыки. Самому Бега удалось бежать, но спустя некоторое время и его поймали. Остальные осажденные сгорели в башне. Об этом событии военный историк Чудинов писал: «В эту страшную минуту они и не думали о том, чтобы сдаться. Распевали веселую песню, сыпали на нас камни и предпочитали смерть той милости, которую им обещали мы» [6, 6].

Так защищали горцы свою честь и свободу, с которыми расставались только на смертном одре. Кстати, оборона башни Кола имеет исторические аналогии. Так, в XIII веке Плано Карлини писал, что монголы осаждали «двенадцать лет в Аланской земле одну гору, которая, однако же, сопротивлялась храбро и многие татары и вельможи их под нею погибли» [7, 94]. Особый интерес вызывает надпись на легендарной башне Тогоевых: «Если защитник этой башни сдастся врагу, пусть он лакает воду из корыта псов. Если рухнет башня от вражьей силы, пусть ее строитель будет низвергнут в преисподнюю» [6, 182]. Поэтизацию этой героической традиции находим в поэме Коста Хетагурова «Плачущая скала», где показано «как честь страны, свободу края ценить умеет осетин».

Нафи Джусойты в своем романе воплотил народную волю и мысль о сопротивлении гнету и насилию. Даже храбрость горстки смельчаков, укрепившихся в башне Кола, он усматривает в ее неразрывной связи с народом. Чтобы подчеркнуть силу духа этой горстки отважных, писатель несколько преувеличивает факты и говорит о двухтысячной армии, окружившей село Сугаровых, вместо одной тысячи воинов, о которых упоминает история; говорит о шести смельчаках вместо тридцати. Но совершенно очевидно, что для исторической объективности в освещении событий эти акценты роли не играют; они усиливают художественную сторону произведения, подчеркивают героизм народа. Эту идейную направленность романа верно заметил А.А. Хадарцева: «Когда отчаявшиеся враги обложили крепость огнем, сила связи с народом поддерживала дух осажденных, а оставшиеся в живых приняли смерть с песней именно потому, что за ними был народ, и именно этот эпизод стал кульминационным в романе» [9, 43].

Органическое слияние действительности и поэтического вымысла создает тот

художественный мир, который захватывает воображение читателя. «Автор романа, пересматривая исторический факт с позиции современности, придает им жизненную силу, художественную убедительность, их идейно-эстетическое осмысление дает более цельную и живую картину исторических событий» [9, 44], – пишет А. Хадарцева. Тот факт, что Нафи Джусойты на исторические события смотрит глазами художника, подчеркивает и Х.Н. Ардасенов: «В романе наиболее яркими являются картины, созданные художественным вымыслом автора. Наряду с историческими событиями возникают картины столь же реальной жизни, наряду с историческими лицами перед нами встают и образы вымышленных персонажей. История и поэзия переплетены тесно, и в этом заключается причина успеха писателя».

Когда поэт переходит к прозе, то его произведения отличаются от творения других прозаиков поэтичностью и стройностью композиционного построения. Роман «Кровь предков» как раз является таким произведением. В нем Н. Джусойты остается поэтом, воспевающим героизм осетинского народа. Фатима Царикаева не случайно сравнивает роман с осетинской

героической песней. «Кровь предков» – это роман-песня, автор остался верен поэзии. Роман внутренне построен так же, как и осетинская героическая песня» [7, 374].

Список литературы

1. Ардасенты Х. *Æхсар æмæ тугвæндагтыл* // Мах дуг, 1996. № 4.
2. Газдарова А.Х. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты. Владикавказ, 2002.
3. Газдарова А.Х. Поэзия правды и любви. Владикавказ, 2010.
4. Джусойты Н. Племенное сосуществование или национальное развитие? // Южная Осетия, 1994. 13 апреля.
5. Каргаева Т.А., Царикаева Ф.А. Придаточные части места русского и осетинского языков в сравнительно-сопоставительном аспекте // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – С. 311; URL: <http://www.science-education.ru/105-7240>
6. Очерки истории Юго-Осетинской Автономной области. 4.1. – Тбилиси: Мицниереба, 1985.
7. Северная Осетия. Политико-экономический очерк СОАССР. – Орджоникидзе: ИР, 1939.
8. Томашевский Н. Героические сказания Франции и Испании. // Песнь о Роланде. Песнь о Сиде. – М.: Художественная литература (БВЛ), 1976.
9. Хадарцева А.А. Осетинский историко-революционный роман. // Вопросы осетинской советской литературы. Труды СОНИИ. Т. XXXVII. – Орджоникидзе, 1981
10. Царикаева Ф.А. Структурные типы сложноподчиненного предложения // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова. – Владикавказ, 2012. – №2. – С.374 – 378.